Ключевой вопрос, который не дал участникам саммита АТЭС хоть что-то заявить совместно,— позиция сторон по поводу реформы Всемирной торговой организации (ВТО). Китай — предпоследняя из крупных экономик мира, присоединившаяся к ВТО (это произошло в 2001 году, последней была Россия — в 2012 году). В 2010-х уже всем участникам ВТО было очевидно, что с всемирным торговым блоком что-то необходимо делать. Все его участники к этому времени осознали: сложнейшие и долговременные арбитражные процедуры ВТО не позволяют эффективно решать споры в международной торговле в рамках самой организации, сами эти рамки за счет необъятного объема уступок при присоединении стран к ВТО безразмерны, и приход к власти в конкретной стране настроенного протекционистски (то есть скептически к основной идее ВТО — свободная торговля обогащает всех) правительства делает возможным, не выходя из организации, устраивать какого угодно масштаба торговые войны. Ни банановые войны США и ЕС, ни европейская самоизоляция в рамках внутреннего рынка ЕС, ни новые экзотические решения Китая в рамках торговой политики, ни санкции и контрсанкции в экономике России, что выяснено на практике, нормам ВТО не противоречат. То, что с ВТО что-то надо делать (во многом нападки на эту организацию были частью предвыборной программы президента США Дональда Трампа — его основная идея во внешней торговле вообще заключается в том, что любое двустороннее соглашение по торговле США с любой страной сейчас выгоднее, чем договоры в рамках ВТО), к 2018 году понимают все. Особенно после 2008 года, когда протекционизм стал главным тактическим искушением для всех правительств мира с понижением темпов экономического роста. Напомним, протекционизм как экономическая политика, конечно, замедляет темпы экономического развития в этой же стране и делает ее население беднее, но сохраняет и усиливает в национальных экономиках лидирующие позиции компаний, договорившихся о поддержке правительства. «Мы станем беднее, но наши дружественные компании сохранят свое» — это написано на любом протекционистском флаге. В сущности, политика Дональда Трампа заключается в своеобразном лукавстве: любому торговому партнеру США предлагается выбор — «или открывайте рынок, или мы будем помогать американским компаниям за ваш счет».

Но в Папуа конфликт Китая и США вокруг ВТО вошел в новую стадию. Виновником этого стал вице-президент США Майкл Пенс, герой саммита АТЭС: он впервые четко и подробно высказал идеологические претензии США по поводу долгосрочной программы международного развития экономики КНР, программы «Один пояс — один путь», имеющей в Китае статус национальной святыни и главного магистрального пути развития. «Шелковый путь» КНР предполагает, что Китай, за десятилетия активной торговли с США накопивший огромные инвестиционные ресурсы, инвестирует их в экономики сопредельных и интересующих его стран в инфраструктурные проекты вместе с правительствами этих стран. АТЭС для Китая в этом смысле — отличная площадь для глобализации. В Порт-Морсби Майкл Пенс впервые подробно и откровенно провозгласил: не верьте Китаю, верьте США. Китай, по его мнению, затягивает страны программы «Один пояс — один путь» в ловушку внешнего долга, тогда как глобализация в Тихом океане по американскому пути — это развитие национальных финансовых рынков и займы не государств, а частных структур у частного финансового капитала.

Де-факто речь идет о стратегическом выборе: или глобализация далее идет по схеме «свободные рынки — частные инвестиции», или по схеме «регулируемые рынки — межгосударственные инвестиции». На стороне США в этой схеме — самый быстрый среди развитых экономик рост ВВП и самые крупные в мире инвестресурсы. На стороне Китая — возможность властей КНР по своему решению быстро концентрировать инвестиции в поддерживаемые ими проекты за пределами страны и, что немаловажно, интеграция стратегии «Один пояс — один путь» в новую экономическую политику страны с 2012 года, предполагающую развитие внутренних, а не экспортных рынков и снижение зависимости от торговли с США и ЕС.

Совсем не случайно, что именно в этот момент на другой стороне планеты, в Европе, происходил очередной акт торговли ЕС и Великобритании за формулу выхода острова из союза — «Брексит». Если выбросить из уравнения то, что «Брексит» во многом движется настроениями, диаметрально противоположными идее свободной торговли, во многом речь идет о выходе некогда крупнейшей в мире экономики из альянса с Евросоюзом (роль которого в конструкции сходна с ролью Китая в «Одном поясе — одном пути») ради возможностей свободной торговли со всем миром. Свободный внутри себя ЕС — уверенно протекционистское торговое образование для всей остальной планеты, что, кстати, хорошо знают в России. Число же схожих торговых сюжетов в мире к 2018 году исчисляется десятками — и это только начало.

Усиление роли госфинансов в мире после кризиса 2008 года — очевидный тренд, и борьба частного и государственного капитала за глобализацию — центральный сюжет, причем для каждой страны выбор совершенно неочевиден: легко представить себе и США, переметнувшиеся на сторону «госфинансов», как и Латинскую Америку, а Китай на стороне «частного капитала» вместе, скажем, с Великобританией.

Для Папуа эти внезапно вслух проговариваемые противоречия были слишком велики. В итоге саммит АТЭС впервые остался без совместного заявления. Вернее, право сделать от имени всех участников АТЭС (от Японии до Австралии) такое заявление предоставлено правительству Папуа—Новой Гвинеи.

Интересно, как эту проблему правительство едва ли не самой отдаленной экономики мира, где выращивание свиней и таро, как при Миклухо-Маклае, имеет не меньшее экономическое значение, чем выращивание картофеля в Тамбове, намерено решать. Ведь это очень нелегко — разбирать спор первой и второй экономик мира о самом главном. ●